ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ,

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ

для

РОДИТЕЛЕЙ, НАСТАВНИЦЪ И НАСТАВНИКОВЪ,

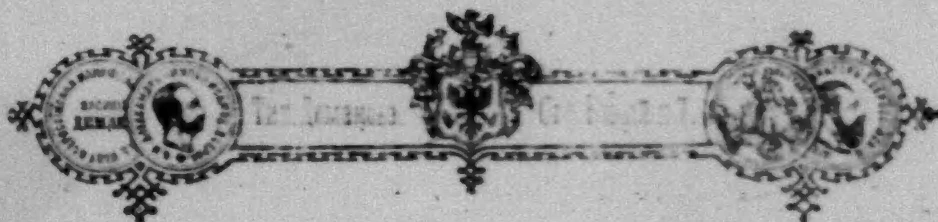
ИЗДАВАЕМЫЙ

при С.-Петербургскихъ женскихъ гимназіяхъ.

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

1886.

№ 9. НОЯБРЬ.

При этомъ № разсылается подписчикамъ журнала, какъ приложеніе за 1886 годъ, «Иллюстрированная географическая хрестоматія» А. Воронецкаго. (Общій обзоръ земнаго шара).

СОДЕРЖАНІЕ.

При этомъ № разсылается иногороднымъ подписчикамъ объявленіе журнала «Недѣля».

ИЗЪ НЕДАВНИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ КУРСИСТКИ.

Статья профес. Бестужева-Рюмина о высшихъ женскихъ курсахъ кончается выраженіемъ надежды, что „слушательницы курсовъ разскажутъ, чему и какъ онѣ учились". — Если бы можно было вѣрить, что эти разсказы помогутъ дѣлу женскаго образованія, откроютъ глаза тѣмъ, которые закрываютъ ихъ, не желая слушать никакихъ доводовъ, если-бы эти разсказы могли убѣдить тѣхъ, которые теперь враждебно смотрятъ на стремленіе женской молодежи къ высшему образованію, не одна тысяча гоголосовъ откликнулась-бы на призывъ почтеннаго профессора. Но послѣ всего того хорошаго, честнаго, умнаго, что было высказано за женское образованіе и раньше и въ послѣднее время, послѣ заявленій сочувствій и симпатій, и со стороны общества, и со стороны столькихъ прекрасныхъ и уважаемыхъ людей—можемъ-ли мы надѣяться, что наши слабые голоса будутъ значить что-нибудь, что они убѣдятъ кого-нибудь... Впрочемъ, въ наше время, когда органы извѣстной части печати стараются знакомить общество съ жизнью курсовъ по измышляемымъ ими романамъ, гдѣ подъ ярлыкомъ „курсистка" выводятъ какихъ-то нравственныхъ чудовищъ,—можетъ быть, разсказы слушательницъ объ времени ихъ ученья и не совсѣмъ безполезны; можетъ быть, найдутся люди, которые повѣрятъ намъ больше, чѣмъ злобнымъ измышленіямъ".

Время моего ученья на курсахъ—такое чудное время, впечатлѣнія отъ этой жизни такъ хороши, такъ чисты,—что навѣрно, никогда не изгладятся. Это не единичное мнѣніе; я смѣло могу сказать, что къ нему присоединятся всѣ тѣ, которыя не моды ради посѣщали курсы, а искали въ нихъ и нашли — знаніе и свѣтъ.

Лекціи у насъ бывали каждый день. Съ 9 часовъ утра со

всѣхъ концовъ города, и въ проливной дождь, и въ жесточайшіе морозы спѣшитъ къ зданію курсовъ разнообразное молодое женское общество. Къ 10 часамъ аудиторія полна народу,—оживленныя молодыя лица, разговоры, споры, веселый смѣхъ. Народъ разнообразный; наблюдателю-психологу не безъинтересно было-бы присмотрѣться къ этой галлереѣ лицъ и типовъ: вотъ совсѣмъ юное, почти дѣтское ясное личико, — эта только что кончила гимназію и со всѣмъ пыломъ не остывшаго еще увлеченія ученьемъ отдается новымъ занятіямъ... вотъ серьезное, вдумчивое, также молодое, но уже нѣсколько скорбное лицо; вотъ еще лицо отважное, смѣлое, съ яснымъ взглядомъ, съ открытымъ умнымъ лбомъ..,—много физіономій безцвѣтныхъ, много простыхъ симпатичныхъ лицъ. Но вотъ отворилась дверь аудиторіи, вошелъ профессоръ, и вся эта пестрая толпа притихла разомъ. Лекціи посѣщались аккуратно; на нѣкоторыхъ, наиболѣе интересныхъ, набиралась такая масса народу, что не хватало ни стульевъ, ни скамеекъ: опоздавшимъ приходилось слушать стоя. Иногда подъ живымъ впечатлѣніемъ интересной лекціи обращались къ профессору за разъясненіями, за указаніями, спрашивали книги. Судить о томъ, какъ занимались во время года, конечно, было трудно, такъ какъ это могли обнаружить только экзамены, — но мы всѣ знали, кто и какъ занимается. По нѣкоторымъ предметамъ устраивались, впрочемъ, практическія занятія, т. е. составленіе рефератовъ, обсужденіе ихъ, занятія были необязательныя, но многія принимали участіе въ нихъ. Читали много. Брали книги, изъ курсовой библіотеки, изъ частныхъ, многія ходили въ Публичную, брали книги и отъ профессоровъ; иныя даже на курсахъ въ промежуткахъ между лекціями не отрывались отъ чтенія. Держались слушательницы больше кружками, человѣкъ въ 5, въ 10; вмѣстѣ занимались и читали. Въ иныхъ кружкахъ устраивались чтенія по періодической литературѣ. Собирались у кого-нибудь разъ въ недѣлю или чаще, кто могъ, приносилъ новую книжку журнала и читали вслухъ. Были кружки, гдѣ собирались для общихъ занятій по задаваемымъ на курсахъ работамъ; въ другихъ большинствомъ голосовъ выбирался какой-нибудь всѣхъ интересующій вопросъ, по которому читались книги и даже писались рефераты. Наконецъ, слушательницы просили начальство курсовъ устроить практическія занятія по нѣкоторымъ предметамъ, по которымъ такихъ занятій прежде не было; это было исполнено и занимались съ увлеченіемъ. Когда разнесся однажды слухъ (который впрочемъ

оказался ложнымъ); что будетъ прибавленъ къ курсу еще одинъ лишній годъ, — всѣ были въ восторгѣ, многія уже кончившія приходили узнавать про это, желая записаться.

Внѣ курсовъ и въ свободное время видѣлись другъ съ другомъ. Жили равно. Многія жили въ семьяхъ. Многія ютились въ верхнихъ этажахъ, иногда по трое въ комнатѣ экономіи ради; кто помѣщался въ общежитіи для курсистокъ, не многія жили въ меблированныхъ комнатахъ. Обстановка этихъ бѣдныхъ квартиръ производитъ хорошее впечатлѣніе какой-то дѣловитой уютности: миніатюрная комнатка въ одно окно, простая кровать съ ширмами, диванъ, обитый дешевымъ ситцемъ, круглый столъ. Куда не оглянись,—книги, лекціи, тетради, записки. На стѣнѣ въ простой рамкѣ портретъ любимаго писателя... Какіе хорошіе часы случалось переживать въ такой крошечной уютной комнаткѣ. Лампа подъ абажуромъ освѣщаетъ столъ съ бѣлой скатертью, тусклый самоваръ, незатѣйливый чайный приборъ съ неизбѣжной коробочкой для сахару вмѣсто сахарницы..., остальная комната погружена въ полумракъ. Мы только что кончили читать и отдыхаемъ за стаканами чаю. Разговоры вертятся около прочитаннаго, потомъ переходятъ къ курсамъ, къ лекціямъ, къ наукѣ, къ жизни... Кто съумѣетъ передать эти молодыя, горячія рѣчи! Говорится и вѣрится „и такъ легко, легко“. Сердце бьется, пылаютъ щеки, горятъ взоры... Вѣрится, что есть на землѣ правда, что есть цѣль въ жизни, что есть счастіе; говорится объ идеалѣ, о трудѣ, о посильной пользѣ... И сколько энергіи, сколько бодрости прибавляется послѣ такихъ разговоровъ. Кажется, что особеннаго: посидѣли, попили чаю, разошлись,—а возвращаешься домой, и точно тебя несетъ на крыльяхъ, точно воздуху не хватаетъ, такъ глубоко, всей грудью хочется вздохнуть. И такъ согрѣваетъ этотъ внутренній огонь, что самая будничная обстановка переносится легко и весело, самыя скучныя невзгоды и непріятности дѣлаются выносимѣе. На все хочется сказать: „что мнѣ до этого, когда я знаю, что есть правда, когда я вѣрю, что надо жить, стоитъ жить“...

Скажутъ:—молодо, зелено! Пусть такъ, но кто не позавидуетъ такой молодости; за то будетъ, чѣмъ ее вспомнить. Не про такія-ли впечатлѣнія думалъ Гоголь, когда такъ горько воскликнулъ: „забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое ожесточающее мужество, забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ, не подымете потомъ“!

А книги, а самое ученье, сколько давали они невыразимо-хорошихъ минутъ! Какъ вдругъ начнешь улавливать, осмысливать связь фактовъ, прежде неясныхъ, когда открываются новые горизонты, когда черезъ приподнятый край завѣсы увидишь длинную перспективу науки... Или когда забудешься надъ хорошей книгой, задумаешься надъ честной мыслью... А вотъ графъ Толстой съ ироніей отзывается о „какихъ-то тамъ курсахъ", которые способствуютъ „одурѣнію, называемому развитіемъ". Какъ мнѣ жаль нашего великаго писателя! Такая претензія, конечно, покажется и странной, и дерзкой. Многіе вспомнятъ, пожалуй, и остроумную пословицу про бабу, которая „дулась на Великій-Новгородъ, а Новгородъ того и не примѣтилъ". И все-таки, мнѣ жаль, отъ души жаль его, нашу гордость, нашу славу. Жаль потому, что у него однимъ хорошимъ впечатлѣніемъ въ жизни меньше; онъ не знаетъ одного лишняго хорошаго, честнаго чувства, онъ не видалъ еще того чистаго восторга, который освѣщаетъ душу и котораго источникъ въ томъ, что онъ называетъ „одурѣніемъ".

Занимались у насъ, какъ я уже сказала, разно. Были, конечно, и такія, которыя ничего не дѣлали, другимъ по неволѣ приходилось учиться меньше, чѣмъ-бы и хотѣли, такъ какъ надо было содержать себя, думать о кускѣ хлѣба. Большая часть давала уроки; иныя въ цѣлый день имѣли много-много 3—4 часа свободныхъ. Кто занимался переводами, кто перепиской; работой не брезгали никакой, брали даже шитье и вышиванье. Бѣдныхъ было много; но эти, съ утра до вечера бѣгающія по урокамъ, плохо одѣтыя, навѣрно не всегда сытыя дѣвушки, блѣдныя и серьезныя, производили отрадное впечатлѣніе своей необыкновенной бодростью, своей захватывающей какой-то жизненной силой. Одну я такъ и вижу передъ собою: умное, открытое, серьезное лицо, что-то стремительно-порывистое во всей фигурѣ, что-то отважное, смѣлое. Страшно гордая, въ томъ смыслѣ, что никогда и никому не позволила ничѣмъ помочь себѣ, она билась, какъ рыба объ ледъ, часто бывала въ проголодь, часто съ перспективой полнаго безденежья на долгое время, — и всегда съ такимъ лицомъ, что мнѣ, глядя на нее, вспоминались слова Кольцова про одолѣвающую невзгоду жизни:

„Готовъ биться я съ тобою,
Но не сладишь ты со мной!!."

Да и не одна она была такая.

Кромѣ курсовъ, мы встрѣчались другъ съ другомъ на публичныхъ лекціяхъ, на засѣданіяхъ, на университетскихъ диспутахъ. Интересовало и манило все, въ чемъ надѣялись найти что-нибудь живое, новое.

Бывали въ театрахъ, въ концертахъ. Особенно, когда выдастся что-нибудь интересное: пріѣдетъ Барнай, Рубинштейнъ. Всѣ дешевыя мѣста на верху, подъ самымъ потолкомъ—все больше курсистки. Теперь, когда я пишу это, мнѣ невольно вспоминается не разъ слышанное мною обвиненіе учащихся дѣвушекъ между прочимъ въ томъ, что онѣ заглушаютъ въ себѣ интересъ къ искусству, убиваютъ инстинкты красоты и изящества. Надо посмотрѣть на эти верхнія мѣста въ театрѣ, за которыя платятся иногда последніе гроши, изъ за которыхъ часто лишаютъ себя на нѣкоторое время чаю и сахару или чего другого, чтобы судить, насколько это вѣрно. Оживленныя, восторженныя лица, сдерживаемыя дыханія. Тутъ, можетъ быть, не понимаютъ искусства такъ, какъ понимаютъ его записные эстетики, но тутъ его любятъ, въ него вѣрятъ, ему поклоняются...

Къ концу года, къ экзаменамъ занимаются усиленнѣе; многія даже на лекціи ходятъ рѣже, чтобы больше читать. Время экзаменовъ самое веселое, самое горячее. На подготовку дается мало,—одинъ, два, много 3 дня; кто не занимался въ году, тому плохо. Но всѣ, и занимавшіяся, и не занимавшіяся на это время запираются по своимъ комнатамъ. Учатся и дни, и ночи. Въ день экзамена до прихода профессора всѣ забираются въ курсы очень рано. Всѣ оживленныя, веселыя, нервныя. Въ это время какъ-то ужасно быстро сближаешься, какое-то хорошее товарищеское чувство ко всѣмъ. Здѣсь, даже и обыкновенно очень серьезныя, какъ-то становятся дѣтьми: и смѣхъ, и трепетъ, и шутки. Я всегда вспоминала при этомъ свои экзамены еще въ гимназіи; всѣ мы на время дѣлались дѣвочками: такъ-же бьется сердце, такъ-же оно вдругъ падаетъ, когда въ стекло двери вдругъ завидишь шляпу профессора, такое-же ощущеніе въ первую минуту отвѣта, что вотъ все забыто, въ головѣ ничего нѣтъ. Можетъ быть, иныя посѣтуютъ на меня за эти слова, можетъ быть, это подрываетъ производимое ими впечатлѣніе серьезности; но я не навязываю никому своихъ ощущеній,—такъ было со мной.

Такъ шла наша жизнь. Три, четыре года пролетѣли незамѣтно, и вотъ уже конецъ. Всѣ экзамены сданы, всѣ лекціи перевязаны веревочкой и уложены до поры до времени въ шкафъ,

написано послѣднее сочиненіе, полученъ и дипломъ, очень красивый, но ничего не дающій... Многое пережито, многое передумано и перечувствовано; много чистыхъ впечатлѣній, какъ дорогое сокровище, спрятано въ душѣ; многое не изгладится никогда...

Кто продолжалъ ходить по урокамъ, кто завелъ школу, пансіонъ, кто вышелъ за-мужъ. Двѣ-три уѣхали за границу учиться, другія продолжали учиться здѣсь. Иныя пошли работать въ сельскія школы... Всѣхъ разбросала жизнь, та настоящая, дѣйствительная жизнь, къ которой мы готовились, которой ждали. Съумѣемъ-ли мы внести въ нее что-нибудь хорошее, съумѣемъ-ли мы передать другимъ, окружающимъ то хорошее, что получили сами? — Какъ сказать, какъ рѣшить заранѣе... Надо надѣяться, надо вѣрить, что да. Прикосновеніе, хотя-бы прикосновеніе къ наукѣ не можетъ не сдѣлать человѣка и чище, и лучше. Не могу удержаться, чтобы не сказать здѣсь великаго, искренняго спасиба нашимъ профессорамъ: участіе, сочувствіе, помощь — все это мы имѣли и всего этого не забудемъ.

Мнѣ скажутъ, что разсказъ мой невѣренъ, что въ немъ умышленно не выставлено отрицательныхъ сторонъ, что это идеализація, и ложная. Отрицательныя стороны, конечно, были,—гдѣ-жъ ихъ нѣтъ? Но онѣ вносились въ курсы извнѣ, не курсы породили ихъ, и если упоминать о нихъ, то развѣ для того, чтобы карать жизнь. Да и что онѣ значутъ, эти отрицательныя стороны, въ сравненіи съ той массой хорошаго, которая несомнѣнно есть,— онѣ исчезаютъ, стушевываются. Что-же дѣлать, если свѣтъ такъ силенъ, что и темные уголки освѣщаетъ. И если курсы хотя-бы одной сотой долѣ слушательницъ давали это чувство бодрости, силы, увѣренности въ томъ, что стоитъ и есть для чего жить,— то и тогда имъ слѣдовало-бы существовать.

Больше мнѣ нечего прибавить: хотѣлось просто подѣлиться впечатлѣніями. Что-либо доказать — я не могла имѣть въ виду. Во-первыхъ, столько ужъ было всякаго рода доказательствъ, этими доказательствами и убѣжденіями переполнены и газеты, и журналы, а во-вторыхъ, признаться, я-бы и не съумѣла ничего доказать. Человѣкъ былъ голоденъ,—его накормили и просятъ, чтобы онъ разсуждалъ о пользѣ или вредѣ хлѣба. Что можетъ онъ сказать кромѣ одного, единственнаго „я былъ голоденъ, а вотъ теперь я сытъ". Это могла-бы сказать и я.

Страшно вѣрить, грустно думать, что прекращеніе пріема на курсы можетъ кончиться закрытіемъ ихъ. Впрочемъ, что загады-

вать заранѣе; вѣдь не вѣрить же въ самомъ дѣлѣ въ существованіе той миѳической „рыбины“, которая проглотила ключъ „отъ счастья женскаго“.

Будемъ надѣяться, что не такъ, и скажемъ вмѣстѣ съ великимъ поэтомъ нашимъ:

„Въ надеждѣ славы и добра,
Глядимъ впередъ мы безъ боязни“.

Э. Г—ая

Москва.